

Повод для разговора — только что вышедшая книга Нурсултана Назарбаева. Причина гораздо глубже и серьезнее — в размышлениях о той мере ответственности, которую добровольно берет на себя человек, рискнувший стать популярным политическим лидером. Наш корреспондент А. Аркадьев беседует с министром культуры СССР.

А. А.: Николай Николаевич, время перемен и бремя власти способны с огромной быстротой чудовищно переломать и характер человека, и его нравственные устои, а в конце концов и репутацию. В наше время быть министром культуры — значит быть заложником политических лидеров, которые своими решениями могут подвергнуть репутацию любого человека известному риску. 20 августа вы подали заявление об отставке, и таким образом вам удалось сохранить репутацию, остаться самим собой.

Н. Г.: Остаться самим собой невероятно трудно. Это — редкое счастье, которое достается немногим, особенно, если

таблицам, а скорее, напротив — он выстраивает всю полученную им информацию в логическую цепь, при этом достаточно четко прогнозируя ее перспективу.

Мне кажется, именно это позволило ему без особого шума и треска найти подходы к практической реализации нынешней программы возрождения Казахстана. Обратите внимание, что именно в Казахстане успешнее, чем в других местах, началась приватизация, что именно эта республика первой, не спрашивая никого, сделала нормой государственной жизни консультации с зарубежными специалистами по разным экономическим и социальным вопросам.

баева — он идет к освобождению каждого человека от необходимости рабского покорения обстоятельствам, к поискам опоры на личную инициативу, на самопроявление личности человека. В конце концов именно такой подход к каждому, повторяю, человеку позволяет умело сочетать ретроспективно проанализированный уже накопленный опыт жизни с максимальной аккумуляцией всего нового и разумного.

А. А.: Как вы назовете это: разумным консерватизмом или прагматичным новаторством?

Н. Г.: Оставим игру словами будущим историкам, которые — хотелось бы — прислушаются к простой мысли, высказанной в книге: «Истории не нужны ни прокуроры, ни адвокаты — ей нужны исследователи».

Автору книги многое довелось увидеть и узнать, особенно в последние полтора десятилетия, когда он встал на верхние ступени управленческой лестницы. Чего стоит такой эпизод первых дней его работы Председателем Совета Министров республики:

«Мне довелось застать время, когда в период защиты республиканских планов в здании Госплана СССР, на проспек-

Николай Губенко:

«Все сходится — и в книге, и в жизни...»

ты имеешь какое-то отношение к властным структурам.

А. А.: Человек, о котором я хочу побеседовать с вами, по моему, не обделен таким счастьем. Сейчас многие политологи говорят и пишут о том, что популярность того или иного общественного деятеля напрямую зависит от степени поляризации его точек зрения по отношению к мнению коллег и оппонентов. Если это так, то справедливо заметить, что политический лидер, о котором идет речь, меньше всего заботится о собственной популярности. Его книга так и называется: «Нурсултан Назарбаев: без правых и левых».

Н. Г.: Назарбаев — человек естественный, и это качество характера, а правильнее, наверное, сказать — свойство натуры, определяет и оплодотворяет его жизнь, его государственную деятельность. Читая книгу и невольно сравнивая ее с личными впечатлениями от встреч с Нурсултаном Абишевичем. Все сходится — и в книге, и в жизни Назарбаев психологически уравновешенный, сторонник взвешенных суждений и решений.

А. А.: Книга построена как ответ на вопросы издательства. Ну а вопросы, естественно, можно селекционировать заранее, «ненужные» — выбросить вообще, а «подходящие» — развернуть пошире.

Н. Г.: Как раз такая селекция для Назарбаева, насколько я его знаю, неприемлема. Более того — уже с первых страниц, где речь идет о начале жизненного пути (книга объединяет автобиографические размышления и изложение политических позиций автора), Назарбаев берет такую высокую ноту личной откровенности, что волей-неволей стимулирует своего собеседника не приглаживать, а обострять вопросы.

Черный хлеб детства... «Эти годы для нашей семьи слились в одну сплошную зимнюю ночь, голодную и холодную. А самое страшное — волки. Это уже потом, повзрослев, я понял, почему бледнело лицо матери, когда раздавался их тоскливый и жуткий вой. Боялась не волков, знала: если нападут, отец и с одной рукой с ними справится. Страшно другое — вдруг зарежет стая овцу, как перед учетчиком оправдаться? Никаких резонансов тогда не признавали: не уберет чабан стадо — иди под суд, получай свой «червонец»... До конца жизни, во всяком случае мое поколение, будет помнить эту корку черного хлеба послевоенного детства».

Читаешь страницы о горестях голодного детства или о классных радостях невзрачной смешанной русско-казахской чешмолганской школы, или о том, как блестящий аттестат зрелости и беспспорная — полтора часа гоняли! — пятерка по химии на вступительном экзамене в Казахском университете уступили родословной трех других абитуриентов, детей крупных партийных начальников... Читаешь и уже настраиваешься на ностальгический тон мемуаров о трудной юности...

А. А.: Которую особенно приятно вспоминать в удобном формате — в книге.

Н. Г.: Нет! Во-первых, думаю, что и М. Горбачев, и Б. Ельцин, и Н. Назарбаев подтвердят, что кресла эти сегодня не самые удобные. Во-вторых, воспоминания — лишь повод для четкого и, я бы сказал, жесткого социально-исторического анализа событий и ситуаций, каплей в море которых была личная судьба Нурсултана Назарбаева.

Назарбаев — прагматик в самом хорошем значении этого слова. Он не расписывает жизнь по каким-либо идеологическим, социально-экономическим или психологическим

И никто при этом не ахает: «Вон, какой я умный!» И не стонет: «Ой, какой я интеллектуально обездоленный...»

Потому и южнокорейский советник в самом высокопоставленном кабинете — никакая не сенсация. А что делать, если Южная Корея уже достигла такого экономического уровня, о котором мы пока можем только мечтать?

В какую страну сегодня ни приедешь — непременно встречаешь там двух-трех казахских специалистов. Юристы, финансисты, экономисты. И непременно — молодые! — то есть не тепло пристроившиеся под завершение карьеры чиновники, а, как правило, пытливые, здраво честолюбивые ребята, которые мне лично чем-то напоминают самого Назарбаева, а по сути характеров — «птенцов Петровых», упорно вгрызавшихся в гранит мировой науки и коммерции, дабы на родине эти познания применить достойно.

А. А.: Сравнение слишком сильное, но, надеюсь, для вас оно подтверждено собственными наблюдениями?

Н. Г.: Первый раз в работе мы встретились с Нурсултаном Абишевичем в Алма-Ате, где состоялся выездной Совет министров культуры республик. Казахстан стал первым из суверенных государств, которое принимало этот представительный рабочий орган координации межнациональной, межреспубликанской культурной жизни страны. Разумеется, в огромной мере сам этот факт зависел от решения президента Назарбаева.

Первое впечатление: эрудиция, фантастическая работоспособность и абсолютно искренняя доброжелательность. Я все-таки режиссер и актер, и подлинность таких чувств ощущаю нутром. В том внимании, которое Назарбаев при всей своей занятости оказывал нашему делу, не было ни единой фальшивой ноты.

Потом мы общались довольно много и в разных ситуациях — в рабочих и в домашних, — и в результате пришло такое сравнение.

Есть люди — пропеллеры. Смотришь, разговариваешь — дух захватывает. Вихрь мыслей, образов, чувств — одно ярче другого, умение, восторг!

Как говорили раньше при запуске самолета:

— Контакт?

— Есть контакт!!!

Но вот личный контакт закончился, и от вихря, упоения, восторга остается лишь легкое дуновение воспоминаний о приятно проведенном времени, достаточно быстро переходящее в досаду о нереализованных возможностях и обманутых надеждах.

А есть люди, которые в общении напоминают ровно работающий мощный двигатель, этукую турбину с колоссальным запасом надежности. Назарбаев из таких.

А. А.: Август 1991 года одним разьединил, других очень сблизил. В первые же часы после заявления ГКЧП и отстранения Горбачева от власти Назарбаев заявил об антиконституционности принятых решений.

Н. Г.: В те дни я созванивался с Нурсултаном Абишевичем. Три дня и три ночи он не спал, три дня и три ночи оборона немедленно вернуть солдат и танки в расположение частей.

Он разговаривал с Язовым без обиняков:

— Ты солдат, не делай глупостей.

После 21 августа мы встретились в Москве. И опять я искренне порадовался откровенности, простоте и ясности, с которой Назарбаев анализировал реальную ситуацию, сложившуюся в стране.

Мне показалось тогда, что в этих рассуждениях четко просматривалась суть политической мировоззрения Назар-

те Карла Маркса, проводились дни национальных кухонь: казахской, среднеазиатской... В зависимости от того, какие республики защищались. Обильные угощения сопровождалось национальными танцами и плясками, организуемыми на первом госплановском этаже. Так сказать, не просто пьянка...»

И о таких мерзостях нашего государственного идиотизма Назарбаев пишет деловито и спокойно — не оттого, что все это оставляет его равнодушным, а потому, что для него важнее хладнокровное и убедительное исследование обстоятельств, создававших почву и атмосферу для подобного гниения общественных и властных структур.

А. А.: Мы, к сожалению, гораздо чаще останавливаемся на пафосном обличении. А Васяка слушает да ест, меняя сталинский кителек на брезентовую курточку, а ее — на элегантный пиджак чиновника мэрии или директора государственного концерна.

Н. Г.: Сила убежденности и темперамент мысли у президента Казахстана являются гарантом, что его слово обязательно преобразуется в дело.

А ведь проблем там не меньше. Казахстан некоторым образом можно представить себе как дубль-модель всей страны. По территории уступает России, но зато больше всех остальных вместе взятых бывших союзных, а ныне суверенных республик: и по населению — ужиться должны люди более ста национальностей и народностей; и партийная бюрократия так властвовала при помощи самых что ни на есть байски-феодалных методов; и с экологической проблемы чрезвычайно болезненные — как-никак Семипалатинский полигон... И коллективизация, разрушившая вековую традицию негласного распределения пастбищных земель между скотоводами, подорвала животноводство. И интеллигентную унижали как могли — Назарбаев пишет об этом: «Моему поколению уже сами родители стали внушать: хочешь стать человеком — учись на русском. Полагалось говорить на русском языке даже в тех регионах, где коренное население составляло 90—95 процентов». Теряли под ногами почву писатели, поэты, драматурги. Круг читателей катастрофически снижался. Но любая попытка сказать хотя бы слово в защиту своего народа и его культуры воспринималась как националистическое популозание (Назарбаев упоминает в своей книге о многострадальных судьбах великого Мухтара Ауэзова и крупнейшего советского ученого Каныша Сатпаева).

А политическое и социально-психологическое наследство от «подавления бунта» в Темиртау в августе 1959 года или алма-тинских событий декабря восьмидесяти шестого...

Но одновременно приходит в голову и другой ассоциативный ряд. Феноменальный природный потенциал — в недрах Казахстана выявлены, кажется, все или почти все известные современной цивилизации полезные ископаемые; замечательная нравственная привязанность к народным и семейным традициям: «Для казаха не знать семь поколений своих предков — позор. И сегодня даже в городской квартире совсем не редкость увидеть седоголовую апаю — бабушку, истово внушающую малолетним внукам, как звался и кем был их дед, отец прадеда и прочие пра, пра...».

И я прибавлю в этот ряд работу человека, который, занимая высший государственный пост, не боится задавать себе любые вопросы и, не стесняясь никаких приводящих обстоятельств, стремится столь же честно и стремительно искать правдивые ответы.